Вопросы философии. 2018. № 4. С. 79–89

От публикаторов*: Перед вами – стенограмма последнего публичного выступления Э.В. Ильенкова, которое состоялось 12 февраля 1979 года на “давыдовском” теоретическом семинаре в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР (сейчас – Психологический институт Российской Академии образования). Доклад был ответом на сообщение А.С. Арсеньева, сделанное тремя неделями ранее.

Организатором теоретического семинара и его бессменным руководителем был друг и ученик Э.В. Ильенкова Василий Васильевич Давыдов. Семинар представлял собой весьма заметное культурное явление в Москве 70-х – начала 80-х годов. Он просуществовал почти десять лет – с момента прихода В.В. Давыдова в институт в качестве директора, вплоть до его увольнения в январе 1983 года, и был посвящен теоретическим проблемам психологии и культуры в целом. Раз в две недели большая аудитория Института психологии собирала до двухсот участников семинара, который на фоне глухого застоя тех лет представлял собой редкий очаг живой теоретической мысли.

Магнитофонная запись семинара была предоставлена Психологическим институтом РАО. За реставрацию и оцифровку магнитной ленты благодарим Александра Васильевича Меньшикова. Все примечания принадлежат публикаторам.

Историзм в психологии

Э.В. Ильенков

Товарищи, я хотел ограничиться кратким совсем выступлением, но чем больше я раздумывал над тем, что рассказал нам в прошлый раз Арсеньев, тем больше я убеждался, что кратким выступлением тут не обойдешься. И поэтому я прошу извинения, если я регламент превышу. Ну, остановите меня, если я не по делу буду говорить.

Тема эта предельно, по-моему, важная – историзм в психологии. Именно поэтому мне и хотелось бы рассмотреть ряд утверждений докладчика, которые, [как] мне представляется, нуждаются в уточнениях, и очень серьезных. Анатолий Сергеевич здесь очень хорошую написал цитату из Александра Сергеевича Пушкина. Мне кажется, что это было самое лучшее, что было в его докладе. С этим я согласен на сто процентов – что дикость, подлость и невежество не уважают прошлого, а пресмыкаются перед одним настоящим. И вот рассмотренный в свете этой мудрой мысли доклад Анатолия Сергеевича, мне кажется, в доброй половине своих утверждений как раз опровержению этой истины и служит.

Начал Анатолий Сергеевич свой доклад с утверждения, что прежде чем говорить об историзме в психологии, надо ясно понять, что такое историзм. Правильно. Разъяснить, что такое историзм в общей форме, конечно, нужно было хотя бы коротко, прежде чем говорить об историзме в психологии. Но как раз этого Анатолий Сергеевич, к сожалению, не сделал. Он сказал: ну, а что такое историзм – никто не знает. Это утверждение, первое утверждение собственное после вот этой мудрой фразы [Пушкина], это утверждение мне кажется чересчур храбрым.

* Публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 17-03-00160а “Подготовка к печати неизданных работ Э.В. Ильенкова 60–70-х годов из архива философа”.

© Майданский А.Д., Иллеш Е.Э. (публикация), 2018 г.

Анатолий Сергеевич, ну а вдруг окажется, что кто-то знает, что такое историзм? <*Реплика из зала, нрзб.*> Так что фраза эта – никто не знает, что такое историзм... Себя вы сюда включаете, или нет? <*Реплика из зала, нрзб.*> Тоже, да? Ну еще бы. Я могу допустить, что эта фраза если и имеет смысл, то смысл несколько другой: ни одна из имеющихся концепций историзма меня, Анатолия Сергеевича, не устраивает. Так? А свою собственную я предложить не могу. Вот это был, очевидно, рациональный смысл этого его заявления. Хорошо, Анатолий Сергеевич. Но тогда вы обязаны были, по самой элементарной логике выступающего, рассмотреть достаточно хорошо и прочно сложившиеся в истории культуры концепции историзма и показать, почему они вас не устраивают. И этого вы не сделали.

Своего понимания историзма докладчик, к сожалению, нам не сформулировал, хотя бы в самой общей форме, хотя бы коротко. Этого он как раз сознательно избегал, ходил вокруг да около. С одними мыслителями он в чем-то соглашался, других мыслителей он в чем-то упрекал. Упрекал, не доказывая, почему же это неверно. Ну а поскольку он нам не объяснил, что такое историзм в общей форме, он, естественно, так и не подвел нас к пониманию того, что́ значит историзм применительно специально к психологии.

А между тем психология как раз, по-моему, и нуждается наиболее остро в очень четко продуманном историческом воззрении на свой предмет. И нужда эта возникла не сегодня, и не вчера. Она была остро осознана – необходимость историзма именно в психологии – раньше, чем необходимость историзма в какой-нибудь другой науке. Если датировать точно, то эта проблема – историзм в психологии – была поставлена раньше, чем была поставлена проблема историзма в биологии и в общественных науках и так далее. Поставлена она ровным счетом двести лет назад, в ранних работах Фихте, которого докладчик почему-то даже не упомянул в этой связи. Ведь дело-то в том, что как раз психология – понимаемая широко, как наука, занимающаяся вообще психической жизнью человека и человечества во всем ее огромном объеме, – и была родиной исторического взгляда на вещи. Это и Владимир Ильич Ленин в “Философских тетрадях” констатирует и фиксирует, что применительно к мышлению, к сознанию, к психике идея развития, идея историзма была высказана уже в 1812 году Гегелем и его предшественником Фихте в середине уже 90-х годов XVIII века. В то время, как применительно, скажем, к эволюции биологической жизни Дарвином на полсотни лет позже. Марксом, применительно к материальным экономическим отношениям, тоже на полсотни лет позже. А применительно к психике, как центральная проблема понимания психики, она как раз была остро поставлена вот уже в конце XVIII века.

Я датирую рождение историзма трудами Фихте и Гегеля и подчеркиваю это, настоятельно подчеркиваю, по той простой причине, что Анатолий Сергеевич с его – по-моему, тут излишней – любовью к прошлому забрался слишком далеко вглубь веков. Он обнаружил зачатки, намеки на историческое понимание психики у Иисуса Христа <*реплика из зала, нрзб.*>, у дзен-буддистов и так далее. Намеки и ростки понимания, что человеческая душа, вообще-то говоря, как-то возникает, как-то эволюционирует – это очень древняя идея. Намеки и ростки этой идеи в любой мифологической системе вы действительно обнаружите, не говоря уже про таких людей, как Гердер, Гёте, Декарт, Дидро, Гераклит, Гесиод – везде вы найдете вот эти самые намеки. Даже в Библии идея этого историзма присутствует: Адама на седьмой день только господь Бог создал. Адам возник, чтобы потом эволюционировать в грешника (или на шестой, может, Ева на седьмой).

Непонятно, почему Анатолий Сергеевич вот так долго останавливался на этих самых намеках историзма в такие древние времена и не рассмотрел хорошенько вот ту концепцию, с которой, собственно, историзм в европейской культуре и начался. И начался он действительно в пределах науки о душе, о духе, о психике. На Гегеля Анатолий Сергеевич ссылался не раз. Но видите какая вещь – из Гегеля опять выбирались такие мысли, а точнее половинки мыслей Гегеля, которые, собственно, ничего особенного из себя не представляли, и сегодня особенно нового ничего не представляют. Фихте и Гегель велики вовсе не тем, как говорил Анатолий Сергеевич, что, вот, по Гегелю историзм, в общем-то, состоит в том, что сегодня теория такая, а завтра она станет другой, послезавтра ее сменит

третья и так далее, и так далее. Видите, если тезисы Гегеля – историзм Гегеля, суть его – свести к такой формуле, то тогда Гегель превратится собственно в очень абстрактно-плохонькое подобие Поппера с его идеей, что идеи сменяются идеями, парадигмы сменяются парадигмами, и никакой закономерности в этой смене обнаружить нельзя. Это позиция релятивизма, а Гегель релятивистом не был. Гегель был в понимании историзма диалектиком. То есть он понимал, что весь этот длинный исторический ряд сменяющих друг друга теорий, духовных формаций явно обнаруживает закономерность с определенным вектором, направленным, как он выражался, на абсолютную истину, на свободу, ну а в нашем понимании – на объективную истину. И что теории не просто сменяют одна другую, а в этой смене постепенно откристаллизовывается все больше и больше зерно абсолютной истины. Вот это вы старательно обошли у Гегеля. Больше того, и Фихте, и Гегель прекрасно понимали, что каждая отдельная душа (ну, или в терминологии Фихте и Гегеля больше – *Я*, – там, трансцендентальное, эмпирическое *Я*, и прочее, и прочее, ну, в общем, все вы понимаете, что это все псевдонимы одного и того же – индивидуальной психики) с самого своего рождения вплетена в общий контекст развития духа, который у Гегеля представляет собой не что иное, как просто псевдоним, под которым выступает в его трудах духовная культура человечества в ее развитии. Больше ничего за понятиями абсолютного, объективного духа, даже Бога, у Гегеля не кроется. Это именно духовная культура человечества, которая начиналась где-то в глубине веков, которая проходила ряд формаций, ряд фаз или ступеней, или стадий совершенствования, направленного к достижению свободы, абсолютной истины и так далее, и так далее. И что отдельная душа, как и дух человечества, объективный дух, в какой-то точке рождаются, а не существуют от века. Родившись, проделывают ряд стадий своего развития, или совершенствования, чтобы, в случае отдельной души, в конце прийти к слиянию, так сказать, с Абсолютом, или к смерти. С бессмертием души, с которым еще нянькался великий Иммануил Кант, Гегель разделался безоговорочно и иронизировал над этим представлением о бессмертии индивидуальной души, отстаивая бессмертие духа, то есть, если переводить это на более современный научный язык, бесконечную возможность развития духовной культуры человечества. Гегель это даже в стихах хорошо...

Да, вот тут же меня очень странно поразило утверждение Анатолия Сергеевича, что Гегель, будто бы пресмыкаясь перед социальностью, перед Абсолютом, перед всеобщим, пренебрегал душой индивида, пренебрегал индивидом. Анатолий Сергеевич, ну зачем повторять вот эти вот вещи, которые придумали сто лет назад либералы, критики Гегеля, вроде Гайма, я не понимаю никак. Я мог бы привести сейчас, но не буду просто утомлять внимание зала, десятки, сотни мест я могу вам привести, где Гегель приписывал индивиду куда большее значение и роль в развитии мирового духа, или мировой духовной культуры, чем все вместе взятые бердяевы, хайдеггеры, не говоря уже об Иисусе Христе. Каждая новая формация (это знает всякий, кто хоть сколько-нибудь внимательно и без предубеждения Гегеля читал) рождается через действия индивида, индивидуальной души. И успех индивидуальной души зависит от того, насколько ее действия более или менее случайно совпадают с общим направлением развития мировой культуры. Вот такие люди, культур-герои, как их назвали (он ли, я не помню, или кто-то [другой] потом), как раз и двигают своими индивидуальными, самоотверженными подвигами общий массив духовной культуры своей эпохи. Ну к таким он относит, скажем, Солона, Сократа, Юлия Цезаря, Наполеона, Рафаэля, Моцарта. Вот все эти индивиды открывали человечеству новые горизонты именно своим индивидуальным открытием. И исторические событие он трактует так: вначале в индивидуальной голове у Руссо, у Вольтера, у других просветителей родилась идея нового миропорядка, а потом уже она, усвоенная Максимилианом Робеспьером, начала реализоваться, с помощью гильотины, в мире. Активность индивида, роль индивида Гегель не только признавал, он ее чрезвычайно преувеличивал, именно как идеалист. Новая формация у него всегда родится вначале в индивидуальной голове.

Вот мне тут вчера попалось на глаза его стихотворение даже – Гегель и стихи писал, оказывается, о чем не все знают. И в стихах он даже вот все это выразил. Обращаясь к современникам, такие патетические – к индивиду обращенные – слова. Ну я-то поэт

плохой, я перевел его дословно и буквально, ну приблизительно значит так: “Смело доверься исходу борьбы, сын божества, с мирным покоем порви, и с собою самим и с наличной Вселенной. Вперед устремляясь, пытайся стать больше, чем был ты вчера и сегодня. Лучше, чем век твой, не сможешь ты стать, но в итоге твой век станет лучше”.

Эта идея повседневного, ежечасного совершенствования как отдельной души, так и духа в целом, который через отдельную душу именно эволюционирует к свободе. Вот это совершенствование, которое протекает именно через напряженную диалектику взаимоотношений души и духа, индивида, творящего что-то новое, и массива духовной культуры наличной, вот эта самая готовая вселенная, которая его окружает. То есть всей психической... Идея постоянного диалектического совершенствования, через противоречие, всей духовной, всей психической сферы мироздания – это и есть стержень всей немецкой классической философии. Обо всем этом, наверное, было бы полезнее поговорить. Я не буду разворачивать подробно то, что Гегель сделал в сфере психологии и Фихте перед ним. Это мне бы и двух часов не хватило, поэтому этим я не буду заниматься. Тут и идея, что индивид в своем индивидуальном самосовершенствовании повторяет как бы вкратце, сокращенно, стадии развития мирового духа, то есть мировой духовной культуры. Он также рождается в качестве духовного существа, как когда-то родилось в качестве духовного существа человечество. И так далее, и так далее. Вот об этом, мне казалось бы, полезнее было докладчику поговорить, чем рассказывать о смутных намеках, которые содержались и в дзен-буддизме, и у Гесиода, и у Христа, и у Платона, у Сократа, и так далее, и так далее.

Вспоминается мне еще одна очень несправедливая вещь, которую сказал докладчик про так называемую европейскую культуру. Он сказал, что для западноевропейской культуры характерно то, что она уже целых триста лет рассматривает психику человека через очки представлений, заимствованных собственно из естествознания, смотрит на него как на объект, и только. Но это же просто не соответствует фактам, Анатолий Сергеевич! <*Реплика из зала, нрзб.*> Ах, вот как. Хорошо, рационализм. Куда вы относите Декарта, Спинозу? <*Реплика из зала: Туда же*> Туда? Так вот, Декарт, Спиноза рассматривали человека через очки представлений, заимствованных из естествознания? <*Реплика из зала, нрзб.*> Рационализма Нового времени? Так... Если вы имели в виду Декарта, то это половина Декарта, это его физика. Тело человека он действительно рассматривал как автомат. Но ни Декарт, ни Спиноза, ни Дидро, ни Лессинг, ни Гёте, ни Кант, ни Шеллинг, ни Фихте, ни Гегель, ни Фейербах, ни Маркс под эту вашу осуждающую характеристику, извините, не подходят. <*Реплика из зала, нрзб.*> Вы, по-моему, только и делали, что осуждали и упрекали всех. Да, были, разумеется, и такие чудаки, которые рассматривали человека как объект, как машину. Были такие чудаки, я их вам назову. Это – Ламетри, Кабанис, которые рассматривали человека как машину, а не как субъекта. Так? Позднее это были люди вроде Молешотта с Бюхнером. Нынче, чтоб поближе быть к современности, к настоящему, ну Амосов вот так рассматривает, может быть, Китайгородский, ну еще Карнап с его радикальным физикализмом, ну Скиннер. Да, есть такая тенденция. Но почему это называть *рационализмом*? Я не знаю. По-моему имени *рационализма*, который в моем понимании всегда остается гораздо более предпочтительной позицией, чем противоположная – иррационализм. Почему Амосов и Кабанис – это рационалисты, а почему Спиноза, Декарт, Гегель, Кант – не рационалисты по вашей классификации выйдут? <*Реплика из зала, нрзб.*> Да нет, потому что они рассматривали человека именно как субъекта.

В одном, конечно, Анатолий Сергеевич прав. И в этом я вижу его успех у некоторых молодых людей преимущественно женского пола <*смех в зале*>: что тот же Достоевский, которого рационалистом не назовешь, конечно же разбирался в проблемах души и духа намного поглубже, чем любой естествоиспытатель, даже такого масштаба, как Менделеев или Нильс Бор. Поэтому такие люди, как Достоевский, при всех их иррационалистических загибах, конечно, были всегда ближе к истине, чем попытки понять человеческую психику с точки зрения физики, химии, кибернетики и прочих изобретений. Ясно! Уж не говоря об амосовых, о тюхтиных и о дубровских. Но на этом основании вообще ставить крест на рационализме – ну это по меньшей мере нелогично.

<*Реплика из зала, нрзб.*> Вот так бы и говорили! Вот так бы и говорили, что вы не уважаете определенный вид рационализма, а на самом деле это псевдорационализм, который лезет с физическими представлениями, с химическими представлениями в область психологии и там хулиганит. Это не рационализм, это – псевдорационализм, это квази-материализм. Но зачем же на этом основании вот так скопом весь рационализм, вообще говоря, поливать грязью. Я не понимаю. <*Реплика из зала, нрзб.*> Ах, даже в целом! Вот давайте об этом и поспорим: кто в психике понял больше и лучше – иррационалисты, типа Бердяева, или же люди вроде Фихте и Гегеля. Вы хвалили Бердяева, но не объяснили залу, к сожалению, что́ именно он открыл? Что именно открыли в психологии Гегель и Фихте я могу говорить, могу объяснить. Ну объясните, что открыли Бердяев и его единомышленники.

Мы неделю назад слышали, как один композитор вот отсюда, вот с этой трибуны выступал тут по поводу музыкального воспитания и природы музыкальных способностей. Он развивал концепцию, согласно которой музыкально способная душа – вот, например, Бетховен – непосредственно, каким-то чудом, улавливал гармонию небесных сфер. И даже в числах это выразил – 0,987. Оказывается, у него в Аппассионате точно такая же пропорция, в какой Сатурн делит солнечную систему. Я боюсь, Анатолий Сергеевич, что вот эти все теории непосредственного вживания индивидуальной души в тайны космоса, в гармонию небесных сфер, я боюсь, что вот как раз эти представления иррационалистические вот к таким выводам музыкальную педагогику и ведут. Это, простите, не рационалистическая психология, а это плохая натурфилософия. Очень плохая. Это какая-то помесь чудовищная пифагорейства с Шопенгауэром, и сдобренная еще терминологией Ивана Петровича Павлова. Тут и торможение с этим самым присутствует. <*Смех в зале.*>

Но больше всего, Анатолий Сергеевич, знаете, что меня удивило и, больше того, обозлило, почему я и решил выступать длиннее, чем хотелось бы? Вот та ваша безапелляционность, с которой вы судили и рядили по поводу направления нашей психологии. Вот, дескать, все направления, кроме одного-единственного в советской психологии, тупиковые, закрытые. <*Реплика из зала, нрзб.*> Ах, ну очень хорошо, вот я и буду рад, если оно вашим мнением так в результате нашей дискуссии и останется, и больше никто разделять его не будет. Вот та безапелляционность, с которой он назвал тупиковыми направления, не называя имен – ну раз все, значит, и та, которая, как мне кажется, прорисовала впервые в психологии именно пути историзма. А именно та линия, которая идет от Выготского, Выготского – Леонтьева. Вот вы ее объявили тоже тупиковой и закрытой. Да, для бердяевщины, для телепатии она закрыта. Вы сказали, что одна единственная позиция, которая не тупиковая, которая открыта – это позиция Сергея Леонидовича Рубинштейна. Так? <*Реплика из зала, нрзб.*> Тоже ваше мнение. Хорошо. Я тогда прошу наследников теоретических Сергея Леонидовича Рубинштейна, которые здесь присутствуют, вот это учесть.

<*Смех в зале, реплики, нрзб.*>

<*Обращаясь к Арсеньеву*> Так нет, ярлык ты сам на себя повесил – если бы ты не пел дифирамбы Бердяеву, я его бы и не упомянул. Я Бердяева вообще не считаю мыслителем, сто́ящим разговора в серьезной аудитории в конце двадцатого века. <*Реплика из зала, нрзб.*> Ну мое личное мнение такое. Да, пусть это мое личное мнение, ладно. Хорошо.

Сергей Леонидович Рубинштейн, которого, как не тупиковую позицию противопоставил Арсеньев всем остальным, действительно, крупнейший психолог советский. И из разговоров с ним, из личных разговоров, не только по его трудам, я знаю, что это был умный и большой марксист, рационалист. И если бы он сейчас узнал на том свете, для каких вещей его некоторые формулировки оставляют входы – или выходы, я не знаю (ну, поскольку выход – это есть то же самое устройство с обратной стороны, именуемое входом, как один остроумный человек сказал), – то он бы, наверно, эти формулировки бы закрыл для таких возможностей, для возможности так интерпретировать. Потому что ни телепатию, ни всякую мистику он никогда не допускал в свои труды. Если он допускал формулировки под давлением превосходящих сил противника, которые оставляли возможность физиологических интерпретаций некоторых его фраз – ну, это в начале

пятидесятых годов было понятно. Но для мистики он не оставлял, по-моему, никаких лазеек.

Дней десять назад – видите, Анатолий Сергеевич, и к тебе, товарищ Брушлинский, тоже обращаюсь – в споре с Асратяном, который защищает предельно физиологическую точку зрения, то есть как будто как раз обратную, по сравнению с Анатолием Сергеевичем... Как раз Асратян тоже стал ссылаться на Рубинштейна против линии Выготского – Леонтьева и так далее. Вот задуматься над этим бы нужно.

Я тут, если вы мне позволите, покажу, в чем тут дело, почему две таких интерпретации – одна, апеллирующая вот к этим самым индивидуально-неповторимым, интуитивно только ухватываемым качествам экзистенции личности, а другая грубо-физиологическая, – почему они – это две стороны медали, которые одна другую поддерживают. Как физики выражаются, комплементарные концепции, дополнительные. Вот если позволите, я на этом немножко остановлюсь.

<Реплика В.В. Давыдова, директора Института общей и педагогической психологии АПН СССР, нрзб.>

Так вот, очень любопытный финт получается. Когда в присутствии Асратяна мне пришлось анализировать, каким образом возникают так называемые натуралистические иллюзии в психологии, то есть когда стопроцентно социальный продукт, стопроцентно социально-исторический продукт выдается и понимается за естественноприродное качество личности. То Эрзац Асратович *<смех в зале>* – простите, Эзрас, – он обвинил меня в том, что я отступаю от Ленина и против Ленина иду.

– Как, говорит, вы не читали "Материализм и эмпириокритицизм"? Там прямо написано, что мозг мыслит.

Я как-то опешил и не удосужился объяснить ему, что приписывать Ленину в качестве одной из центральных идей его гениальной книги утверждение, что человек мыслит мозгом, головой, а не задницей – это, по меньшей мере, неуважительно к книге. Ведь в чем дело? Что человек мыслит башкой, а не задницей, понимает не только любой идеалист *<реплика из зала, нрзб., смех в зале>*, и не только материалист, Анатолий Сергеевич. Это понимает любой дворник *<смех в зале>*. И для этого не нужны особые экспериментальные доказательства, которыми сыпал Эзрас Асратович. Что человек мыслит мозгом, что мозг – орган мысли, это я мог бы документировать вам сейчас десятком цитат. Не только Гегель, не только Фихте, не только Платон, а прекрасно понимал [это] даже такой последователь доктора Кабаниса, как доктор Гильотен, который публично эксперимент производил, когда он головы отрезал, а не ягодицы. Так что экспериментальных доказательств тут вполне достаточно у человечества. И не в этом дело, не в этом спор. Не об этом философы спорят. И в связи с этим я и хотел бы продемонстрировать вам – не всем вам, возможно, известную – историйку.

Все знают, что Владимир Ильич в своем "Материализме и эмпириокритицизме"... Все вы тут люди с высшим образованием и слышали, что Ленин так ругает эту принципиальную координацию Авенариуса, что скажи я сейчас, что Арсеньев проповедует принципиальную координацию – мне скажут, что я навешиваю ярлык. Но все ли знают, что такое принципиальная координация? Сомневаюсь. И тут я вынужден воспользоваться цитатами, из которых совершенно ясно становится, в чем дело, и в чем суть спора между Лениным и сторонниками принципиальной координации – Луначарским и Богдановым. Я имен никаких называть не буду, но думаю, что вы и сами, услышав эти цитаты, подумаете, что вы читаете кое-какие статьи 70-х годов двадцатого века, а не девятнадцатого.

Не далее как вчера раскрыл я книжечку – помнил, что там такое есть, но когда я прочел ее глазами, так сказать, усовершенствовавшимися после вот этих вот споров последних лет, я там прочитал больше, чем я читал когда-то, лет двадцать назад, а именно... Книжечка эта называется "Критика чистого опыта" Авенариуса в популярном изложении Луначарского. Москва, 1905 год. Напечатана в типографии Общества распространения полезных книг. Моховая, против Манежа, дом князя Гагарина. *<Смех в зале>*. Это вот здесь. Это вот эта типография. Так вот там мы читаем, цитирую:

“На непредубежденного человека решающе влияет огромный ряд наблюдений и опытов, доказывающий, что повреждения различных центров мозга, приводящих или отводящих нервов, немедленно искажает или уничтожает любые психические функции и притом с полной и детальной определенностью; кроме того, нетрудно убедиться, в какой тесной зависимости находится развитие психики и развитие нервно-мозгового аппарата в постепенно повышающемся ряду животных или в развитии человека из зародыша в зрелого мужа.

Мы не можем поэтому не выставить перед наукой требования доказать полную, точную, [необходимую] параллельность или функциональную взаимозависимость психического и физиологического” рядов[1].

Вот это и есть принципиальная координация. Если кто-то о ней другое представление имеет, то это не так. У Авенариуса речь идет именно о той принципиальной координированности ряда психических феноменов, или переживаний, происходящих в индивиде, с рядом изменений, происходящих в системе его нейронов. Вот о чем речь идет. <*Реплика из зала о том, что надо бы цитировать труды самого Авенариуса.*> Вот слушайте дальше. Если бы я начал цитировать Авенариуса самого, мне пришлось бы очень долго комментировать. А я намеренно цитирую Авенариуса в популярном изложении Луначарского, разъясняющем зашифрованные тирады Авенариуса, которые [тот] зашифровывал намеренно. <*Реплика из зала, нрзб.*> Понял [Луначарский Авенариуса], и понял очень точно.

“Важно нам то, – продолжаю цитировать, – что параллелизм (психического и физического рядов. – *Э.И.*) или – как он говорит – двусторонний монизм, проявляющийся в отношениях психического и физиологического, не единственное и не исключительное явление: суть его заключается в восприятии (одного и того же. – *Э.И.*) двумя разными способами – непосредственным самовосприятием мозга (психика) и наблюдением его при помощи приборов и глаза (физиология)”.

Это и есть, по Авенариусу, два взаимно зависимых и неотделимых друг от друга ряда.

<*Реплика В.В. Давыдова: “Почему у Авенариуса? У многих сейчас... Если раскрыть кавычки и говорить, что у Авенариуса через Луначарского...*>

Да, многие себя узна́ют.

<*В.В. Давыдов: Это вполне мы знаем, что это буквально последние высказывания многих специалистов – что психофизический параллелизм сейчас наиболее распространенное и наиболее рационально-разумное, нрзб.*>

Вот к этому я и перехожу. Если это рационализм, то Арсеньев, наверное, прав, надо в иррационализм удирать. Но это, к счастью, не рационализм, а псевдорационализм махистов. И Авенариус действительно был первым, кто очень четко и точно в новейшее время сформулировал вот эту самую идею, вот этого самого психофизиологического монизма. Психофизиологический монизм Авенариуса – это и есть вот это представление, одинаково идиотское, о психике, о психологии как науке об интроспективно наблюдаемых мозгом своих собственных состояниях. Если психологию понимать так, то, конечно, все так и получится. А физиологию высшей нервной деятельности сводить к анализу структур и функций нейронных сетей. Тогда да, это и есть реализация идей Авенариуса. Из этих двух рядов Авенариус, как и Мах, и Луначарский, и Богданов, а в новейшее время Дубровский, Амосов и несть им числа. Из этих двух рядов эти мыслители объявляют физиологический ряд смены состояний – ну, события, происходящие в нейронных сетях, – как ряд независимый. А психический ряд – как зависимый, то есть как просто самоощущение мозга при этих самый физиологических рядах. И больше ничего. Ну, если перевести на русский язык, как это часто любят делать, то это называется *эпифеномен*. Это – пассивное самоощущение мозгом своих собственных состояний и больше ничего. Так вот, физиологический ряд, то есть ряд нервных связей внутри мозга, является независимым, первичным, а психический ряд – это параллельная ему цепочка индивидуальных переживаний мозгом своих собственных внутренних состояний. Психика, согласно этой концепции, – это индивидуально неповторимый каждый раз ряд переживаний. И больше ни черта. Ряд капризный, ряд индивидуально неповторимый, не повторяющийся,

каждый раз зависящий от неповторимости индивидуальных узоров нейронных сетей в отдельном мозгу.

Поэтому-то психология, и по Авенариусу, и по Богданову, и по Асратяну, добавлю, и по Дубровскому, и по Тюхтину, невозможна как объективная наука. Так Авенариус и формулирует: "Прерывистый и капризный ряд психических явлений обусловлен непрерывным и доступным точному измерению рядом физиологическим".

И то, что мы принимаем за сознательные процессы, на самом деле есть только переживания, диктуемые совершенно бессознательными шевелениями нашего органа. Поэтому бессознательное, с которым тоже очень много любят кокетничать нынешние мыслители некоторые, у него и оказывается доминирующим рядом. Независимым рядом. Рядом чего? Рядом событий, происходящих в нервной ткани мозга, в системе нейронов и аксонов. Вот утверждение Авенариуса. И нельзя забывать, что у Авенариуса вот эта вот его пугающая [терминология] – и на экзаменах, я помню, и сам страдал, и студенты, которые мне сдавали, в панику приходят: что такое центральный член принципиальной координации? – Это же мозг! Авенариус-то имеет в виду мозг. Мозг работает по своим физиологическим чисто законам и вот эту работу по физиологическим законам он переживает как свои психические состояния. Вот и все. Это довольно просто. Луначарский это понял очень хорошо.

Вот на этой-то основе Авенариус формулирует и ту программу исследований в области как физиологии, так и психологии, которая, к сожалению, имеет гораздо большее распространение, чем та, которую отстаивал против них Ленин.

Вот следите-ка за логикой Авенариуса дальше. Значит, физиологический ряд, или цепочка событий, происходящих в сетях нейронов, или в нейронных сетях, как сейчас предпочитают выражаться, обусловливает прерывистый и капризный ряд психических переживаний. Хорошо. Причем, говорит, под словом "обусловлен" надо разуметь не причинную зависимость, конечно, поскольку причинно-следственную зависимость все позитивисты, и махисты в том числе, они вообще выбрасывали из арсенала научной терминологии, они ее подменяли функциональной связью. Так вот это типичная функциональная связь – физиологии с психикой.

Под словом "обусловлен" мы понимаем лишь отношение функции (не причинно-следственные зависимости, а функции), которую мы для удобства берем за независимую переменную, – к другой параллельной функции (то есть психической)[2].

Следите дальше. Установив, что психология как объективная наука невозможна в силу капризности и неповторимости психического ряда, он идет дальше и доказывает, что место всей прежней психологической болтовни должна занять физиология мозга. Это Авенариус. И постулирует взгляд на мозг – вот сейчас вы будете веселиться, – цитирую: я защищаю "воззрение на мозг как на саморегулирующуюся систему, находящуюся в подвижном равновесии", и взгляд "на процессы, которым параллельно соответствуют психические явления, как на отдельные акты саморегулирования".

В каком году издана эта работа – сами судите. Вот на этой основе и получается, что принципиальную координацию, или функциональную зависимость между психическим и физиологическим рядом, может исследовать научно только физиология мозга. А что же остается на долю психологии? Для нее заказаны совершенно объективные методы исследования, поскольку она имеет [дело] с капризными и индивидуально-неповторимыми феноменами самоощущений, постольку она способна только на классификацию предварительную, приблизительную этих явлений. Тут, де, возможен только субъективный метод, метод интроспекции, метод внимательного всматривания в свои собственные внутренние состояния.

Отсюда, кстати, Анатолий Сергеевич, идет и весь Хайдеггер, который считает, что все дело в том, чтобы углублять интроспекцию до такой степени, настолько углубиться в интроспекцию, чтобы сквозь нее увидеть суть мира. Алетейю, как он выражается, подлинное бытие вообще. Через интроспекцию. <*Реплика из зала, нрзб.*>

Вот как тот композитор, который считал, что он музыку сфер и даже числовые соотношения между планетами с помощью одной музыкальной интуиции улавливает. Вот эта

самая оборотная сторона – комплементарная, или дополнительная, концепция к физиологически-биологическому взгляду на сознание и на мышление.

И позволю себе закончить цитирование тем резюме, которое Луначарский вот этому самому всему изложению популярному "Теории чистого опыта" Авенариуса дает. Вот вслушайтесь.

"Он (то есть Авенариус) дал новую, крайне простую и плодотворную классификацию психических явлений, позволяющую понять их биологический смысл. Идя по стопам Авенариуса, физиологи, детально изучая биологию мозга, имеют прекрасные шансы построить полную, точную и высоко конкретную картину жизни человека во всех ее проявлениях".

Вот и превращается "биология мозга" в универсальную науку, которая должна объяснить научно поведение человека и в экономике, и в политике, и в искусстве, и в науке, – везде. Вот за это-то их и бил Ленин, а не за то, что они думали, что человек мыслит не с помощью головы. Это они понимали, даже чересчур. Эта вот их идиотская психофизиология, выданная за новую универсальную науку, приводит к путанице в том числе даже в таком пустом вопросе – мыслит человек с помощью мозга или нет. Вот популяризируя эту предельно пошло-физикалистскую концепцию психики, Луначарский объясняет с ее точки зрения даже такие явления, как наслаждение человека от созерцания, скажем, Рафаэлевой Сикстинской Мадонной, или феномен Джордано Бруно, который пошел на костер ради своих идей. Всё, все без исключения вещи. Он берет самые предельные – казалось бы, причем [тут] биология мозга и Сикстинская Мадонна или Джордано Бруно? А смотрите, как он это доказывает – вот тут-то вы начнете смеяться, наверное.

Согласно Авенариусу и всем махистам, цитирую, "мозг есть сложнейший автомат; цель, к которой приноровлено все его строение, вся его структура – это сохранение подвижного равновесия (в переводе на русский язык: гомеостазис. – *Э.И.*) по возможности в неизменном виде, несмотря на все нарушения со стороны сложной и часто враждебной среды. Все органы (остальные – руки, ноги, там, и прочее. – *Э.И.*) суть придаточные органы мозга. *Саморегулирующийся автомат* – вот что такое мозг", по Авенариусу[3]. Это – "сложный Ванька-встанька, приноровленный к тому, чтобы приходить в прежнее положение, что бы с ним ни делали", как бы его ни толкали.

Это не мои слова, это – Луначарский, это адепт полнейший Авенариуса говорит. Я бы придумал, может, еще похлеще образы.

Психические явления суть самочувствие[4] колебаний, проделываемых Ванькой-встанькой, пока он опять не установится по-старому. Это адепт говорит.

Вот, а как с этой точки зрения, интересно, махисты, и до сих пор, интерпретируют феномен Джордано Бруно? Вот это еще характерней. Слушайте-ка. Когда им задают вопрос, цитирую: "А жертвовать собою ради идеи? Неужели и это акт самосохранения мозга?". Ну, действительно, вопрос коварный. Джордано Бруно свой мозг позволил сжечь на костре. Да, отвечает с позволения Авенариуса Луначарский, – именно так. И объясняет. Прежде всего, чтобы читатель понял, нужно напомнить ему, что "дело идет не о самосохранении человека, органом коего является мозг, а о самосохранении мозгового равновесия". Это страница 41–42 вот этой книги, которую я все время цитирую. О сохранении внутренней гармонии между разными мозговыми структурами. Ну, левым или правым полушарием, как сейчас, так сказать, "научно" установили. Или еще между какими тонкими узлами. Но дело идет, в общем, о сохранении устойчивого баланса между различными кусками мозга. Вот о чем идет речь и ни о чем больше.

Да, поэтому-то с их точки зрения мозг устроен так, что он органически, в силу морфофизиологических структурных особенностей, унаследованных им от рождения, он является врагом диалектики, он не приемлет противоречия. <*Реплика из зала, нрзб.*> Ага, вот она. И когда этот мозг оказывается в ситуации, когда один участок мозга ему говорит "А", а другой "не-А", то наступает – это я уже другого на память цитирую махиста, Бермана, тоже одного из авторов, с которыми Ленин-то все время бьется – наступает дискомфортное самоощущение мозга. Это и есть противоречие. Поэтому-то они до сих пор так не любят Гегеля, который считал, что напряжение противоречия – это и есть

мотор психического развития. Для них это только дискомфортное состояние тела мозга, от которого организм во что бы то ни стало старается избавиться и, как Ванька-встанька, покачавшись, на одной стороне остановиться – на "А", или на "не-А", наоборот. Видите, тут связано все очень глубоко и очень прочно. Вот эта психофизиологическая концепция мышления, с принципиальным отрицанием историзма в психологии – потому что никакого историзма без принятия противоречия как движущей силы психического развития не получится. И вот той дорожкой через бердяевщину к поповщине, которую Ленин у всех у них обнаруживает. Если вы приемлете вот такую грубо-физикалистскую, грубо-физиологическую концепцию психики, мышления, сознания, то вы волей-неволей в качестве дополнения к ней будете вынуждены принимать бердяевщину, дзен-буддизм и прочую поповщину.

Так вот, противоречие, поэтому, для мозга очень неприятно. Противоречие, от которого этот мозг старается избавиться любой ценой – то ли за счет религии, то ли за счет водки, то ли за счет произвольного изменения терминологии, как это Дмитрий Павлович Горский нынче делает вслед за Карнапом, то ли путем насильственного устранения противоречащих мнений вместе с их носителем, путем уничтожения книг, в которых написано не то, что я вот думаю. Все эти явления опираются прочно вот на такое представление о психике и о возможных путях и законах ее развития. И Ленин совершенно справедливо квалифицировал эту психофизиологию, эту "биологическую психологию", как сам ее Авенариус называл, как психологию обывателя, растревоженного революцией. И совершенно справедливо. Как психологию обывателя, которую махизм пытается выдать за естественноприродную структуру мозга. Тем самым становясь прочно обеими ногами на почву натуралистической иллюзии насчет психики. Мозг так устроен, что нормальный человек – это обыватель, который не любит противоречий и старается от них любой ценой избавиться. Или так. Или за счет, вот как Бердяев – за счет боженьки. А эта концепция, поскольку она выдает за естественноприродную, то есть, стало быть, вечную и неодолимую, структуру человеческой психики, вот эту вот структуру сознания растревоженного революцией обывателя, вот они [махисты] и выдают за высший постулат психологии. И за исходную аксиому научной психологии.

Эта установка прямо ориентирует психологию на отыскивание тех внеисторических компонентов человеческой психики, которые ему [человеку] общи с мозгом любого животного. Те есть они разницы между зоопсихикой и [психикой] человеческой никакой не проводят. Они считают, что главные параметры человеческой психики совершенно идентичны с главными параметрами психики животных, у которых мозг действительно есть орган этой особи и только. Или вида. Эта установка прямо ориентировала психологию на антиисторизм тем самым. А все исторические элементы приписывала разным уже случайным пустякам. И на Гегеля они злятся больше всего и кричат, что Гегель унижал индивида, не уважал прав индивида, апеллировал всё ко всеобщим абсолютам каким-то и прочее, и прочее. Вот эта либеральная критика Гегеля – она очень понятна, откуда и почему она. Потому что Гегель действительно впервые понял не только психику человека – то есть взаимоотношение души и духа, индивидуальной психики и духовной культуры – исторически, то есть как процесс где-то возникающий, развивающийся через противоречие. Потому.

И вот тут, Анатолий Сергеевич, вот об этом бы надо было с самого начала и поговорить, что такое историзм вообще и в психологии, в частности. Историзм значит тут взгляд, согласно которому вы ничего в любом явлении, как в психическом, так и в физическом, не поняли ни бельмеса, если вы не проследили, экспериментально не проверили самый акт возникновения вот этой вот вещи. Если у вас в руках понимания акта возникновения психики нету, то вы не знаете, что такое психика. И вот люди, которые апеллируют к врожденности психики и к передаче психики через гены, – это ведь просто дипломатически-жульнический ход, который снимает в психологии с повестки дня вопрос об акте возникновения *Я*, сваливает его в биологию, спуская на пол, отыскивает. А психология, если она хочет быть наукой о психике, о душе и о духе, о законах возникновения и развития его через противоречие, через стадии определенные, то она прежде всего это

и должна делать. И вот эта точка зрения, точка зрения, на которую прочно вышла наша психология со времен Выготского. И попытки спихнуть ее с этой магистрали, с этого русла исторического подхода и исторического понимания психики, это кокетничанье со врожденными способностями, с биологией и с физиологией, попытка свалить проблему рождения психики туда – к физиологам, в институт Асратяна или еще куда подальше. Вот слава богу умные генетики, вроде Дубинина, – они поняли, что это им сваливают на шею не их задачу. И стали прислушиваться к психологии больше.

Концепция же, высказанная докладчиком, она, к моему сожалению, ориентирует прямо на какие-то другие рельсы. Поэтому так горячо и приходится возражать против такой постановки вопроса, ибо, начав со здравицы, с хороших слов Пушкина, Арсеньев кончил поддержкой тех людей, которые запрещают – сами не хотят и не могут, и другим запрещают – ставить вопрос об акте рождения души. Вот на этом я хотел закончить.

Публикация Е. Иллеш и А. Майданского

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета, внештатный научный сотрудник Института философии РАН.

MAIDANSKY Andrey Dmitrievich – DSc in Philosophy, Professor of the Chair of Philosophy, Belgorod State University, a researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

amaid@rambler.ru

ИЛЛЕШ Елена Эвальдовна – кандидат психологических наук, журналист.

ILLESH Elena Evaldovna – CSc in Psychology, journalist

elillesh@gmail.com

Примечания

[1] Здесь и далее Ильенков цитирует главу вторую (Биологическая психология) из книги: Рихард Авенариус. Критика чистого опыта, в популярном изложении А. Луначарского. С дополнением: Новая теория позитивного идеализма (Holzapfel. Panideal). Критическое изложение А. Луначарского, 1905.

[2] Здесь Ильенков в сокращенном виде пересказывает следующее место: «Под словом “обусловлен” мы не разумеем отношения повелевающего к повинующемуся, сущности к видимости, а лишь отношение функции, которую мы для удобства берем за независимую переменную к другой параллельной функции. Такой метод исследования явлений сознаний может быть назван психофизиологическим методом в психологии».

[3] С этого места и далее цитируется текст главы третьей (Теория жизненных рядов).

[4] У Луначарского – *отражения*, а не самочувствия: “Психические явления суть отражения колебаний, проделываемых Ванькой-встанькой, пока он не установится по-старому”.